

А.Н. Гребенкин
Орел

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ РЕФОРМЫ РОССИЙСКИХ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В 1882 г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: военно-учебные заведения, образовательные реформы, реформирование образования, военное образование, история военного образования, кадетские корпуса, военные гимназии, подготовка офицеров.

АННОТАЦИЯ. В статье дана характеристика образовательной и социокультурной составляющих военно-учебной реформы 1882 г., в ходе которой военные гимназии были реорганизованы в кадетские корпуса. Автор осуществляет оценку военных гимназий как военно-подготовительных учебных заведений и приходит к выводу о том, что они не обеспечивали полноценной профессиональной социализации, необходимой будущему юнкеру и офицеру. В статье рассмотрены основные направления реформы: образовательные, воспитательные, военно-профессиональные. Автор констатирует, что в наименьшей степени реформа коснулась учебной деятельности заведений, а воспитательная работа была подвергнута лишь внешней милитаризации. Более серьезные изменения произошли в сфере военно-профессиональной подготовки, однако они не являлись одномоментными. В заключение делается вывод о том, что положительное влияние военно-учебной реформы 1882 г. было в значительной степени нивелировано формальным подходом к организации образовательной деятельности и культурно-досуговой работы, изжить который удалось лишь в начале XX в.

A.N. Grebenkin
Orel

PEDAGOGICAL AND SOCIOCULTURAL ASPECTS OF REFORM OF RUSSIAN MILITARY EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN 1882

KEYWORDS: military schools, educational reforms, education reform, military education, history of military education, cadet corps, military grammar schools, training officers.

ABSTRACT. This article describes the educational and sociocultural components of the military educational reform of 1882, during which military schools were reorganized into cadet corps. The author evaluates military schools as military training institutions and concludes that they did not provide the full professional socialization necessary for the future military student and officer. The article deals with the main directions of the reform: educational, pedagogical and military-professional. The author states that the reform concerned educational activity of institutions to the least extent, so educational work was subjected only to external militarization. More serious changes have taken place in the field of military training, but they were not one-time. It is concluded that the positive impact of the military-educational reform of 1882 was largely offset by a formal approach to the organization of educational activities and cultural and leisure activities, which managed to get rid of only in the early XX century.

Военно-учебная реформа 1863-1866 гг., разделившая старые кадетские корпуса на военные гимназии и военные училища, получила неоднозначную оценку как в офицерской среде, так и в педагогическом сообществе. Главной мишенью критики стали военные гимназии. В то время как высокий уровень интеллектуального развития их воспитанников ни у кого не вызывал сомнений, то слабая подготовка гимназистов к юнкерской и офицерской службе вполне справедливо считалась ахиллесовой пятой детища Д. А. Милютин. Известный военный историк А. А. Керсновский так характеризовал влияние личности министра на созданные им военно-учебные заведения: «Воспитанный в частном пансионе, не имевший солдатского сердца, Милютин видел в военно-учебном деле лишь одну сторону – образовательную. Но он прошел мимо другой, главной, стороны – воспитательной, совершенно ее не заметив. Он думал, что штатский гувернер вполне заменит офицера-воспитателя, и не понимал всей важности быть «смолоду и всей душой в строю»¹. В итоге в военные училища из гим-

¹ **Гребенкин Алексей Николаевич**, доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ; 302030, г. Орел, ул. Фомина, 25; e-mail: angrebyonkin@mail.ru.

Grebenkin Alexey Nikolaevich, Doctor of Historical Science, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, Central Russian Institute of Management, branch of RANEPa, Orel, Russia.

© Гребенкин А. Н., 2019

¹ Керсновский А. А. История русской армии: 1700-1881. Смоленск: Русич, 2004. С. 375.

назий поступал «совершенно сырой, необученный материал»¹, с трудом поддававшийся переработке. Консервативная печать подвергала осмеянию даже название военных гимназий, считая его бессмысленным наименованием, присвоенным «педагогическому абсурду»².

Общее ужесточение порядков в армии, начавшееся после назначения на должность военного министра П. С. Ванновского, было одобрительно встречено бывшими питомцами николаевских кадетских корпусов, с ностальгией вспоминая о крутых дисциплинарных мерах. По их мнению, муштра и репрессии были действенными средствами воспитания идеального офицера. Один из «николаевцев», пробывший в корпусе с 1834 по 1842 год, восторженно писал: «Кадет прежних корпусов, вместе с научным образованием, с детства приучался к безусловному повиновению, к самой точной исполнительности, к перенесению трудов, сообразных его возрасту, уважению к старшинству – одним словом, ко всему тому, что составляет главные элементы военной службы и достоинства военного звания... Прежний кадет – это олицетворение преданности к Царю и Родине. Он сознавал, что им обязан своим воспитанием, старался своею службою отплатить за это и всю жизнь оставался верен тем правилам, которые дала ему корпусная жизнь»³. Эту точку зрения поддержала и часть общественности: «Прежние кадетские корпуса давали честных служак, патриотов, отличных товарищей, удовлетворяя тем целям, которые были указаны им законодателем...»⁴. Уродливые черты и язвы дореформенных военно-учебных заведений стали представляться в ином свете, и даже «закалы», практически полностью парализовавшие образовательную деятельность старых корпусов, начали трактоваться как оригинальный и вполне безобидный феномен.

Военные педагоги, в массе своей чуждые идеализации дореформенных кадетских корпусов, не могли не видеть, в каком плачевном состоянии находилось воспитательное дело в военных гимназиях, пришедших к концу 1870-х гг. в состояние упадка. Было ясно, что училища на рубеже 1870-80-х гг. получали в лице бывших военных гимназистов уже не просто сырой материал, но совершенно негодный элемент, исправить который в течение двух лет не представлялось возможным. Сам будущий военный министр во время инспектирования Киевской и Полтавской военных гимназий отмечал, что «...в осмотренных... заведениях упущена из виду конечная цель воспитания, т. е. приготовление молодых людей для военной службы; мне кажется, что равноправность всех воспитанников, существующая в настоящее время в военных гимназиях, положительно вредна для будущих деятелей на военном поприще, т. к. она не дает возможности зародиться в кадетских умах правильному взгляду и пониманию различных степеней военной иерархии...»⁵.

Культурный и нравственный облик воспитанников военных гимназий в этот период получил крайне нелицеприятную характеристику в повести А. И. Куприна «На переломе (Кадеты)». Будущий писатель, поступивший в 1880 г. во 2-ю Московскую военную гимназию, лицом к лицу столкнулся с отвратительными традициями, насаждаемыми развращенными до мозга костей второгодниками, и на собственном горьком опыте познал, каким образом «сортировала эта бесшабашная своеобразная мальчишеская республика своих членов, закаляя их в физическом отношении и калеча в нравственном»⁶.

Эмоциональной оценке, которую дал военным гимназиям спустя много лет А.И. Куприн, вполне соответствовали итоги всестороннего анализа их деятельности, осуществленного военными педагогами. Заведующий Педагогическим музеем Главного управления военно-учебных заведений генерал-майор В. П. Коховский в феврале 1882 г. подготовил записку, в которой, в частности, отмечал: «Удовлетворяя требованиям среднего реального образования и педагогическим целям воспитания, они (военные гимназии – А. Г.) не вполне отвечают задаче профессионального военного заведения. Поэтому признавалось бы необходимым: сохранив в них систематический средне-образовательный курс и те же общеобразовательные основания, которые установлены ныне, придать, однако, всему строю этих заведений то направление, которое делало бы их вполне учреждениями пригособительными для военных

¹ Керсновский А. А. История русской армии: 1700-1881. Смоленск: Русич, 2004. С. 376.

² Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1881 год. М.: Издание С. П. Катковой, 1898. [2], VI. С. 617, 619.

³ Кадетские корпуса и военные гимназии: [Очерк. – Санкт-Петербург]: тип. т-ва «Обществ. Польза», 1884. С. 3-4.

⁴ Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1884 год. М.: Издание С. П. Катковой, 1898. [2], VI. С. 527.

⁵ Ванновский Петр Семенович // Военная энциклопедия. Т. V. Бомбарда – Верещагин. СПб.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1911. С. 235.

⁶ Куприн А. И. На переломе (Кадеты) // Куприн А. И. Избранные произведения. М.: Московский рабочий, 1952. С. 276.

училищ»¹. Настаивая на приучении воспитанников к строгим требованиям дисциплины и военному строю и полагая необходимым возвращение подготовительным военно-учебным заведениям названия кадетских корпусов, Коховский вместе с тем считал недопустимым «то увлечение строем и те несоответственные целям командные отношения, которые были признаны препятствовавшими правильному обучению и воспитанию в бывших кадетских корпусах...»².

Однако в докладе по Главному управлению военно-учебных заведений, представленном 15 июля 1882 г., содержался совершенно иной интонационный посыл: военно-учебная реформа представлялась как возрождение заведений, которые «...воспитали несколько поколений людей, всецело отдавших себя военной службе, увековечивших подвигами своими боевую славу русской армии и кровью своей на полях битв запечатлевших безграничную преданность престолу и отечеству»³. Именно восстановленные кадетские корпуса должны были «воспитать в своих питомцах тот военный дух, которым искони отличались офицеры русской армии»⁴. 22 июля 1882 г. эта установка была закреплена в высочайшем приказе по военному ведомству, в соответствии с которым военные гимназии были преобразованы в кадетские корпуса.

Военно-учебная реформа 1882 г. проходила не в столь радикальных формах, как милютинская. Если в начале 1860-х гг. образовательный и культурный опыт старых кадетских корпусов был сознательно отторгнут, то через 19 лет от педагогического наследия военных гимназий отказываться не стали.

Образовательная деятельность реформированных заведений не претерпела существенных изменений. Кадетские корпуса сохранили тот же реальный курс, что был присвоен военным гимназиям, и в первые годы их существования преподавание осуществлялось в соответствии с учебными программами, разработанными в начале 1882 г. Изучение латинского и греческого языков не велось (поэтому кадеты, желавшие поступить в университет, должны были заниматься ими самостоятельно, после чего сдавать дополнительный экзамен). Зато корпусные программы по математике и естественной истории были существенно шире программ классических гимназий, а в перечень изучаемых дисциплин входили космография и законоведение. Лишь в 1886 г. был инициирован пересмотр учебных программ с целью подвергнуть их некоторому сокращению и тем самым «облегчить обременение учащихся умственной работой»⁵. Закон Божий получил статус одного из основных предметов (ранее их перечень ограничивался математикой и языками), преподавание истории русской церкви и русской словесности было перенесено в военные училища. Однако каких-либо кардинальных изменений образовательная деятельность кадетских корпусов не претерпела.

Воспитательная работа, вопреки исходным установкам, в основе своей также осталась прежней. Изменилась лишь ее форма, подвергшаяся милитаризации. Так, возрасты были переименованы в роты, а на смену гражданским воспитателям, далеко не всегда пользовавшимся должным авторитетом, пришли офицеры, которые должны были внушить своим подопечным любовь к строю и армии, «придать всем воспитанникам более военный вид и военную выправку и приучить их с детства к отчетливой служебной исполнительности»⁶. Вместе с тем круг основных задач, стоявших перед офицерами-воспитателями, не был ни расширен, ни сужен, принципы их деятельности остались прежними, и это дало право говорить о том, что «...значение их (офицеров-воспитателей – А. Г.) в деле воспитания остается, как было и в военных гимназиях»⁷.

Серьезную трансформацию претерпела только организация военно-профессиональной подготовки. Ее пришлось создавать практически заново, а выработка оптимальных форм требовала времени. Поэтому формирование строевых рот из воспитанников старших классов растянулось на несколько лет (например, старший возраст Полоцкого кадетского корпуса был переименован в строевую роту лишь в августе 1884 г.). Звания вице-фельдфебелей и вице-унтер-офицеров в строевой роте были учреждены в феврале 1885 г.; тогда же «чиновным» кадетам были присвоены особые знаки отличия – нашивки на

¹ О необходимейших преобразованиях военно-учебных заведений (о преобразовании военных гимназий в кадетские корпуса). 1882 г. // Российский государственный военно-исторический архив (РГАСПИ). Ф. 725. Оп. 20. Д. 18. Л. 70 об.

² Там же. Л. 70 об. 71.

³ РГАСПИ. Ф. 725. Оп. 20. Д. 18. Л. 137.

⁴ Там же. Л. 137 об.

⁵ Кондрашин А. В. Учебные программы кадетских корпусов как отражение сущности военного образования в России // Бомбардир. 1995. № 1. С. 22.

⁶ 6-го декабря 1885 г. Празднование пятидесятилетнего юбилея Полоцкого кадетского корпуса. 1835-1885. Полоцк: Типография Х. Клячко, 1886. С. 32.

⁷ Второй Оренбургский кадетский корпус (1887-1894) в ряду других военно-учебных заведений. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1894. С. 39.

погонах. Организация военно-подготовительных занятий осуществлялась в соответствии с особой инструкцией, принятой в мае 1888 г. Кадеты строевой роты вновь стали выводиться в лагерь. Вместе с тем ограниченный объем военно-профессиональной подготовки далеко не всеми был признан удовлетворительным. В газете «Московские ведомости» в октябре 1884 г. вышла передовая статья, призывавшая начинать обучение кадет военному делу уже в младших классах: «Если признано нужным дать питомцам кадетских корпусов воспитание военное, то непонятно, почему не начинать такое воспитание с первого дня поступления кадета в корпус? Почему бы думать, что приноровленное к возрасту воспитание в добром военном духе непригодно для мальчиков 14-16 или даже 11-14 лет?»¹.

В силу охарактеризованных выше обстоятельств пореформенные кадетские корпуса более походили на предшествовавшие им «милютинские» военные гимназии, нежели на корпуса николаевской эпохи. Офицеры-воспитатели действительно воспитывали, а не занимались надзором и присмотром, как в 1-й половине XIX в. Ужесточение режима не превратило заведения в род военно-учебных монастырей, обитатели которых были обречены находиться в них в течение нескольких лет практически безвыходно. Большое количество праздничных дней в сочетании с широким развитием путей сообщения привело к тому, что некоторые воспитанники имели возможность около 4 месяцев в году проводить в кругу семьи.

В то же время установленный еще в 1873 г. 7-летний срок обучения и развитая практика оставления воспитанников на второй год практически полностью ликвидировали один из ключевых принципов военно-учебной реформы Милютина – полное отделение старших воспитанников от младших. Кадеты, оканчивавшие корпус в возрасте 18-19 и даже 20 лет, не были редкостью. Пребывание их в одних стенах с 9-10 летними детьми было крайне нежелательно с педагогической точки зрения, ибо порождало и поддерживало ряд негативных традиций (например, угнетение старшими воспитанниками младших), однако никаких действенных мер принято не было. Поэтому на рубеже XIX-XX вв. были разработаны планы разделения кадетских корпусов на две ступени, каждая из которых должна была представлять собой самостоятельное военно-учебное заведение. Переходить на высшую ступень должны были подростки в возрасте около 15 лет². Однако эта концепция осталась нереализованной.

В представлении самих воспитанников военно-учебная реформа не означала переход к новому жизненному этапу. Реорганизация гимназий в корпуса произошла буднично и практически незаметно. А. И. Куприн так писал о ней в повести «На переломе (Кадеты)»: «Сделалось это очень просто: воспитанники прочитали высочайший указ, а через несколько дней повели их в спальни и велели вместо старых кепи пригнать круглые фуражки с красным околышем и с козырьком. Потом появились цветные пояса и буквы масляной краской на погонах»³. Ужесточение дисциплинарных требований вчерашние военные гимназисты ощутили далеко не сразу. Воспитанник Тифлисской военной гимназии Ф. П. Рерберг считал устоявшийся литературный штамп о том, что «Ванновский искалечил идеальнейшие милютинские военные гимназии, переименовав их в корпуса и заменив нормальное среднее обучение никому не нужной муштровкой мальчиков»⁴, клеветой, исходящей от либеральной интеллигенции. Повседневная жизнь воспитанников, по мнению Рерберга, изменилась незначительно, причем в лучшую сторону: так, кадеты были чрезвычайно довольны заменой кепи фуражками и введением кантов и трафаретов на погоны. Военно-профессиональная подготовка осуществлялась в весьма скромных масштабах, явно недостаточных для того, чтобы превратить кадета в хорошего юнкера: «Из 6 и 7 класса была сформирована строевая рота, коей были выданы «настоящие солдатские ружья» (кавалерийского образца) со штыками. Число офицеров в корпусе понемногу увеличивалось; вот и все. Никакого сокращения программ не произошло, никакой муштры не было. Можно сказать обратное: в корпусах слишком мало было физических упражнений на свежем воздухе, занятий строем и гимнастикой»⁵.

Не следует упускать из вида и социально-политические аспекты военно-учебной реформы 1882 г. Как отмечал С. А. Кочуков, «военный министр (П. С. Ванновский – А. Г.), по всей видимости, старался превратить военных в своеобразную касту, отдавая преимущество не столько дворянским детям, сколь-

¹ Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1884 год. М.: Издание С. П. Катковой, 1898. [2], VI. С. 527.

² Несколько слов о необходимости дальнейшего развития преобразований военно-учебных заведений // Педагогический сборник. 1899. № 12. Ч. неофиц. С. 503-505.

³ Куприн А. И. На переломе (Кадеты) // Куприн А. И. Избранные произведения. М.: Московский рабочий, 1952. С. 277.

⁴ Рерберг Ф. П. Все в прошлом // Архив Библиотеки-фонда «Русское зарубежье» им. А. И. Солженицына. Ф-2. М-86. Л. 33.

⁵ Там же.

ко детям военнослужащих»¹. В соответствии с принятым в 1886 г. Положением, кадетские корпуса имели своей целью «доставлять малолетним, предназначаемым к военной службе в офицерском звании, и преимущественно сыновьям заслуженных офицеров, общее образование и соответствующее их предназначению воспитание»². О попытке расширить социальную базу офицерского корпуса за счет недворянских элементов говорит то, что, как указывал тот же С. А. Кочуков, «Ванновский... подавал прошение царю относительно того, чтобы дети буржуазии могли обучаться в военно-учебных заведениях, но оно осталось без ответа»³. Была усилена и благотворительная функция кадетских корпусов, которые должны были давать не только образование, но и кров и пищу детям и сиротам заслуженных офицеров. Но, как и ранее, принцип благотворительности быстро обнаружил свою слабую сочетаемость с задачей подготовки квалифицированных офицерских кадров для русской армии.

Внедрение элементов военно-профессиональной подготовки в старших классах корпусов в совокупности с милитаризацией воспитательного дела должно было с самого начала четко ориентировать кадет на переход по окончании курса в военные училища. Число воспитанников, стремившихся продолжить образование в университетах и высших гражданских технических учебных заведениях, предполагалось свести к минимуму. Эта задача была достаточно успешно решена: «...мальчики рано свыкались с военным бытом и образом жизни, а по окончании кадетского корпуса в подавляющем большинстве не думали ни о какой другой карьере, кроме офицерской»⁴.

Руководители и педагоги пореформенных заведений искренне полагали, что «в строе нынешних кадетских корпусов соединились лучшие стороны бывших кадетских корпусов и военных гимназий»⁵. Это было одновременно и истиной, и заблуждением. С одной стороны, реформированные П. С. Ванновским и Главным начальником военно-учебных заведений Н. А. Махотиным корпуса достаточно органично сочетали элементы образовательного и военно-культурного пространства николаевских корпусов и милютинских гимназий. С другой стороны, казенщина и формализм, прочно укоренившиеся в жизни военного ведомства в последние два десятилетия XIX в., не могли не подорвать устои отечественной военной школы – ведь Махотин был alter ego своего начальника и старательно копировал его стиль управления. Даже консервативные «Московские ведомости» в 1884 г. в уже упомянутой передовой статье сетовали на то, что «...дело идет пугливо, ошупью, без системы, идет к какой-то неясной и неопределенной цели»⁶. В силу этого пореформенные корпуса были лишены как здорового милитаризма, присущего корпусам дореформенным, так и научного, «университетского» духа, что отличал военные гимназии, питомцы которых были младшими братьями русских студентов эпохи интеллектуального подъема 1860-х гг. Новые формы, в которые была облечена жизнь военно-подготовительных учреждений, не были наполнены сколько-нибудь серьезным содержанием, и это предопределило продолжение застойных процессов в военно-учебной сфере, признаки которых впервые дали о себе знать еще в конце 1860-х гг. В. А. Самонов, носивший кадетские погоны в 1884-1892 гг., крайне негативно отзывался о постановке учебного дела и воспитания в alma mater: «Отсутствие разумной программы воспитания и образования создавало из нас неопределенный тип – кадета, шалуна, без воли, характера и положительной мысли. А главное кадетское воспитание не достигало своей цели и не создавало из нас – настоящих военных людей. Мы все скорей были люди привычки, слабые нервные без твердой воли, а не здоровые сильные юноши, охваченные военной идеей. Крайнее ограничение свободы, тяжелый казарменный режим, разобщенность с природой – создавало во многих из нас полное отвращение к военному делу... Режим жизни в корпусе, походивший на монотонную казарму, всех нас томил отсутствием живой, разумной военной системы, не развивал в нас военной доблести, отваги и смелости»⁷. Лишь в начале XX в., когда во главе русской во-

¹ Кочуков С. А. П. С. Ванновский и контрреформа военно-учебных заведений России в 1880-е годы // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 2003. Вып. 5. С. 122.

² Высочайше утвержденное Положение о кадетских корпусах // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. VI. Ст. 1.

³ Кочуков С. А. П. С. Ванновский и контрреформа военно-учебных заведений России в 1880-е годы // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 2003. Вып. 5. С. 122-123.

⁴ Сапрыкин Р. В. Развитие системы военно-учебных заведений России на рубеже XIX – XX вв. // Проблемы истории российской цивилизации: сб. науч. ст. Саратов, 2007. Вып. 3. С. 97.

⁵ Второй Оренбургский кадетский корпус (1887-1894) в ряду других военно-учебных заведений. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1894. С. 39.

⁶ Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1884 год. М.: Издание С. П. Катковой, 1898. [2], VI. С. 526.

⁷ Самонов В. А. Мысли современного офицера. В 4-х выпусках. Выпуск I. Тифлис: Типография «Гуттенберг», 1907. С. 20, 27.

енной школы встал великий князь Константин Константинович, потенциал реформы 1882 г. был надлежащим образом реализован.

Источники и литература:

- 6-го декабря 1885 г. Празднование пятидесятилетнего юбилея Полоцкого кадетского корпуса. 1835-1885. Полоцк: Типография Х. Клячко, 1886. 61 с.
- Ванновский Петр Семенович // Военная энциклопедия. Т. V. Бомбарда – Верещагин. СПб.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1911. С. 234-236.
- Второй Оренбургский кадетский корпус (1887-1894) в ряду других военно-учебных заведений. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1894. 80 с.
- Высочайше утвержденное Положение о кадетских корпусах // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. VI. 3517.
- Кадетские корпуса и военные гимназии: [Очерк. – Санкт-Петербург]: тип. т-ва «Обществ. Польза», 1884. 24 с.
- Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1881 год. М.: Издание С. П. Катковой, 1898. [2], VI. 632 с.
- Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1884 год. М.: Издание С. П. Катковой, 1898. [2], VI. 671 с.
- Керсновский А. А. История русской армии: 1700-1881. Смоленск: Русич, 2004. 464 с.
- Кондрашин А. В. Учебные программы кадетских корпусов как отражение сущности военного образования в России // Бомбардир. 1995. № 1. С. 19-22.
- Кочуков С. А. П. С. Ванновский и контрреформа военно-учебных заведений России в 1880-е годы // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 2003. Вып. 5. С. 121-127.
- Куприн А. И. На переломе (Кадеты) // Куприн А. И. Избранные произведения. М.: Московский рабочий, 1952. С. 248-280.
- Несколько слов о необходимости дальнейшего развития преобразований военно-учебных заведений // Педагогический сборник. 1899. № 12. Ч. неофиц. С. 503-513.
- О необходимейших преобразованиях военно-учебных заведений (о преобразовании военных гимназий в кадетские корпуса). 1882 г. // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 725. Оп. 20. Д. 18.
- Рерберг Ф. П. Все в прошлом // Архив Библиотеки-фонда «Русское зарубежье» им. А. И. Солженицына. Ф-2. М-86.
- Самонов В. А. Мысли современного офицера. В 4-х выпусках. Выпуск I. Тифлис: Типография «Гуттенберг», 1907. 78 с.
- Сапрыкин Р. В. Развитие системы военно-учебных заведений России на рубеже XIX–XX вв. // Проблемы истории российской цивилизации: сб. науч. ст. Саратов, 2007. Вып. 3. С. 96-102.